

Г. Ф. Карпов

История борьбы
Московского государства
с Польско-Литовским
1462—1508

Геннадий Карпов

**История борьбы Московского
государства с Польско-
Литовским. 1462–1508**

Издательство «Кучково поле»

1867

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44

Карпов Г. Ф.

История борьбы Московского государства с Польско-Литовским.
1462–1508 / Г. Ф. Карпов — Издательство «Кучково поле», 1867

ISBN 978-5-9950-0603-9

Предлагаемая читателям книга «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским» представляет собой переиздание магистерской диссертации известного историка XIX в. Геннадия Федоровича Карпова (1839–1890). Этот фундаментальный труд посвящен детальному исследованию на основе многочисленных исторических источников очень важного периода в истории Русского государства – времени его возрождения и формирования после ордынского ига.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-9950-0603-9

© Карпов Г. Ф., 1867
© Издательство «Кучково поле», 1867

Содержание

Карпов Геннадий Федорович: черты биографии	6
Часть I	8
Глава I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Геннадий Федорович Карпов
История борьбы Московского
государства с Польско-Литовским

© ООО «Кучково поле», 2015

© Морозова Л. Е., вступ. ст., 2015

Карпов Геннадий Федорович: черты биографии

Предлагаемая читателям книга «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским» представляет собой переиздание магистерской диссертации известного историка XIX в. Геннадия Федоровича Карпова (1839–1890), носящей одноименное название. Она была защищена в 1866 г. и в этом же году опубликована на страницах «Чтений Императорского Общества истории и древностей российских». В следующем 1867 г. текст диссертации вышел в свет в виде отдельного тома. Ныне эта книга представляет собой библиографическую редкость.

Биография Г. Ф. Карпова примечательна. Он родился в небольшом волжском городке Углич в семье мелкого государственного чиновника. Курс начального образования он получил в Борисоглебском духовном училище, потом учился в ярославской гимназии. Желая получить университетское образование, Карпов пешком отправился в Москву, поскольку не имел средств на дорогу. Ему удалось поступить на Юридический факультет Московского университета. Здесь его усердие и пытливый ум привлекли внимание прославленного историка С. М. Соловьева, автора многотомной истории России. Он стал наставником Геннадия Федоровича.

Закончив обучение в университете в 1861 г., Карпов под руководством С. М. Соловьева начал работу над магистерской диссертацией на тему «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508 гг.». В 1866 г. он успешно ее защитил, и был направлен в Харьковский университет для преподавания в должности доцента. Здесь в 1870 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Критический обзор источников по истории Малороссии. 1651–1672 гг.».

В 1871 г. Г. Ф. Карпов вернулся в Москву и занялся научной деятельностью. Был избран членом Общества истории древностей российских, затем членом Археографической комиссии и, наконец, Русского исторического общества. Писал научные статьи, книги, издавал архивные документы. Под его редакцией вышло четыре тома «Сборников Русского исторического общества», в которых были опубликованы важные дипломатические документы XV–XVII вв.

После смерти Карпова в 1890 г. его вдова (родственница известного фабриканта и мецената Саввы Морозова) пожертвовала в фонд «Общества истории древностей российских» значительную сумму денег. Из нее следовало выплачивать премии ученым, занимавшимся историей Малороссии.

Фундаментальный труд Г. Ф. Карпова «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508 гг.» посвящен детальному исследованию на основе многочисленных исторических источников очень важного периода в истории Русского государства – времени его возрождения и формирования после ордынского ига. Поэтому главными героями в исследовании являются великие князья Московские: Иван III и Василий III.

Эти московские государи провозгласили себя наследниками великих князей Киевских и начали собирать древнерусские земли вокруг Москвы. Данная задача стала основной целью их внешней и внутренней политики. Такой вывод был сделан в трудах многих советских историков: Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. А. Зимина, С. М. Каштанова и многих других.

В книге Г. Ф. Карпова такого заключения нет. Дореволюционный историк полагал, что великие князья Московские стремились только к искоренению удельной системы, а бесконечные войны с Польско-Литовским государством вели лишь для того, чтобы занять излишне воинственных служебных (служилых) князей.

Начавшийся на рубеже XV–XVI вв. процесс перехода многочисленных литовских князей на русскую службу Карпов объяснял не укреплением Московской Руси, а только слабостью польско-литовских правителей, которые не занимались защитой княжеских интересов. Обращая внимание на внешнюю сторону отдельных событий, Карпов в итоге делал поверхностные выводы. Но не они важны в его работе.

Основную ценность труда Г. Ф. Карпова представляет использование большого числа важных исторических источников: летописей, статейных списков, духовных и договорных грамот, самых разнообразных документов дипломатического характера, переписки между правителями и частными лицами, материалов Литовской метрики и многого другого. Очень часто документы цитируются полностью или передаются в подробном пересказе.

Достоинством работы Карпова является и то, что он не ограничивается изучением отношений только Москвы с Литвой. Он показывает на основе многочисленных дипломатических документов, как конфликт двух стран отражался на всей международной ситуации в Европе. В противоборство двух держав самым теснейшим образом были вовлечены многие страны: Крымское ханство, Золотая Орда, Казанское ханство, Ливония, Молдавия, Чехия, Священная Римская империя, Турция и даже немецкие и скандинавские государства.

Карпов наглядно показал, что польско-литовский король Казимир активно вмешивался во внутренние дела русских государей, особенно во взаимоотношения с Тверью и Новгородом, и это вызывало напряженность в стране. Присоединение Новгорода Иваном III было вынужденной мерой для предотвращения захвата города польским королем. В Европе данное событие вызвало глубокий резонанс, свидетельствующий о тесных торговых контактах между странами. В работах современных историков данные вопросы, как правило, рассматриваются очень схематично либо вообще опускаются.

В работе Карпова на основе источников в деталях и подробностях представлено много важных и недостаточно изученных сюжетов. Например: взаимоотношения Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем и с молдавским господарем Стефаном Великим, обстоятельства женитьбы великого князя Литовского Александра на дочери великого князя Елене и ее последствия, роль мятежа Михаила Глинского в обострении отношений великого князя Василия III с королем Сигизмундом и т. д.

Таким образом, фундаментальное, с точки зрения активного привлечения различных источников, исследование Г. Ф. Карпова дает возможность получить более верное и детализированное представление о международных отношениях Русского государства в период его развития и становления на рубеже XV–XVI вв.

Книга может быть рекомендована как профессиональным историкам, студентам-гуманитариям, так и самому широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

Доктор исторических наук Л. Е. Морозова

Часть I

Глава I Князья

Завещание Василия Васильевича Тёмного. – Отношения Ивана III к князьям удельным и своим братьям. – Восстание князей Андрея Большого и Бориса Васильевичей против Ивана III из-за Новгорода. – Уничтожение Верейского княжества и падение независимости Твери; участие во всех этих событиях короля Казимира. – Поимание Андрея Васильевича Углицкого. – Положения договора Василия Васильевича Тёмного с Казимиром о князьях вообще и служебных в особенности. – Служебные князья, их занятия и отношения к своим государям. – Отъезды князей с отчинами из Литовской службы в Московскую; сношения Ивана Васильевича с Казимиром по поводу отъездов князей. – Княжеская война. Отъезды князей Шемячича, Можайского, Семена Бельского и других. – Положение князей-отъездчиков в московском подданстве и их занятия во время войны и мира с Литвой. – Способы, которыми московские государи удержали в своей службе князей. – История вражды Шемячича и Можайского и судьба их. – Заключение

Государствованием Ивана III блестящим образом заканчивается средневековая русская история и еще блестяще открывается новая. Препятствием к дальнейшему развитию русской общественной жизни в XV столетии была так называемая удельная система. Московские государи, сооружая одной рукой государственное здание, в то же время другой под влиянием старых понятий клали препятствие к дальнейшему развитию своего дела, посредством поддержания в своей семье удельных порядков. Ко времени Ивана III лиц, заинтересованных в укреплении этих порядков, в северной России было много; на первом плане здесь являются братья великого князя, потом князья не из семьи Василия Тёмного, владевшие независимыми княжествами, каковы: Тверской, Верейской, Рязанской, далее огромная масса князей служебных и, наконец, опора старины, Новгород, а за ним младший его брат, Псков.

К концу великокняжения Василия Тёмного система московских князей восторжествовала над их врагами; но, умирая, Василий Васильевич оставил завещание, старинное по форме и почти по сущности. Приказывая своим детям жить за один и слушаться своей матери, а младшим сыновьям – и своего старшего брата, в отца место, завещал старшему своему сыну, Ивану, держать братьев меньших в братстве без обиды, и в заключение всего Василий Васильевич разделил свои владения между всеми детьми, хотя старшему при этом дележе досталась наибольшая часть. Ко всему этому, как препятствие делу всей своей жизни, Василий Васильевич поручил блюсти свою вдову и своих детей представителю всяких старых порядков, королю Польскому и великому князю литовскому Казимиру¹.

Вскоре после смерти Василия Тёмного его сыновья, Иван Васильевич с братьями, заключили в подтверждение прежнего договор с тверским великим князем Михаилом Борисовичем и тверскими князьями. Иван Васильевич и Михаил Борисович, как равные, обязались взаимно везде друг другу добра хотеть и под владения не подыскиваться, а быть везде за один, на татар, на ляхов, на Литву и на немцев; князей врагов одного великого князя другому не принимать, а при отъезде служебных князей в их отчины не вступаться; боярам и слугам вольным – воля; с Новгородом Великим жить по старине². В то же время Иван Васильевич вместе с бра-

тиями заключили договор с верейским князем Михаилом Андреевичем, который по родовой лестнице приравнялся к третьему брату московского великого князя и обязывался держать Великое княжение честно и грозно, без обиды, а его московские князья обязывались держать в братстве, любви и чести, без обиды же; все внешние отношения, к Орде, к великим князьям и так далее, лежат на московском великом князе, который с этой стороны должен заботиться об интересах верейского князя, а этот обязывался, если с кем находится в крестном целовании, то его сложить; боярам и слугам вольным – воля, но князей служебных друг от друга договаривающиеся не должны принимать³. Только с Рязанью у московских князей не было заключено договора, потому что Иван Васильевич, как было при его отце, оставался опекуном рязанского великого князя, который в 1464 году поехал в свои владения и в том же году женился на сестре Ивана Васильевича. Спустя около трех лет после договора московских князей с верейским, с последним Иван Васильевич заключил еще два новых договора. По одному из них Михаил Андреевич поступался сам Ивану Васильевичу Вышгорода с волостями, путями и селами и обещался в него не вступаться. Этот Вышгород был пожалован верейскому князю Василием Тёмным и потом самим Иваном Васильевичем. По другому договору верейский князь должен был по старшинству считать себе старшими не только двоих сыновей Василия Васильевича, но всех пятерых⁴. Относясь к каждому самостоятельному князю отдельно, Иван Васильевич стал относиться точно так же и к своим братьям. Второй из них, Андрей Васильевич Большой, князь Углицкий, был в постоянном соперничестве с великим князем, начиная особенно со времени походов на Новгород. Летописец в числе неправд Андрея Углицкого против старейшего своего брата упоминает, что он думал налихо великого князя со своими братьями, Юрием, Борисом и Андреем, и для этого приводил их к крестному целованию. Очень может быть, он что-нибудь задумывал после первого похода Ивана Васильевича на Новгород, и вот до нас от этого времени дошел договор (в копии) с ним. В этом договоре мы не видим никаких особенностей относительно владения договаривающихся, и он как бы составляет середину между договором с тверским великим князем и князем верейским⁵. Но вскоре после этого явился случай, еще более расстроивший мир между братьями. В 1472 году в сентябре месяце скончался второй сын Василия Васильевича Юрий. Под влиянием, должно быть, обстоятельств он в своей духовной грамоте точно распорядился о своей движимости, о поминовании своей души, но ничего не сказал определенного о своем уделе. Братья рассорились за удел Юрия Васильевича, потому что старший все взял себе. Иван Васильевич пошел на сделки: самому младшему своему брату дал Тарусу; с Борисом заключил договор в феврале следующего 1473 года, по которому удел Юрия Васильевича остался за Иваном Васильевичем, а он пожаловал брату Вышгород. Но с Андреем такой же договор был заключен только в сентябре этого же 1473 года: его за удел Юрия Васильевича вознаградила мать, великая княгиня Марья, давши Романов на Волге. В предшествующем договоре Андрея Васильевича со старшим братом сын последнего, Иван, назывался просто князем, а теперь братья великого князя называют Ивана Ивановича великим князем и обязуются его иметь себе старшим братом⁶.

Окончательное подчинение Новгорода снова рассорило братьев. Недовольными оказались Андрей Большой и Борис Васильевичи, Андрей же Меньшой не принимал участия в их деле. Повод к ссоре подал отъезд от великого князя Оболенского-Лыко. Оболенский, не стерпевши излишне строгого суда за взятки, отъехал к Борису Васильевичу. Иван Васильевич приказал силой схватить Оболенского среди княжеского двора, но когда его отняли из рук великокняжеского чиновника, то великий князь приказал сказать брату, чтобы тот выдал Оболенского головой, тот же отвечал предложением суда о делах отъезчика. Вместо этого Иван Васильевич приказал боровскому наместнику схватить Оболенского тайно; приказание было исполнено, и Оболенского, закованного, привезли в Москву. Услышав это, Борис Васильевич послал к Андрею Углицкому, жалуясь на великого князя, что он вот какую силу над ними

чинит, что не вольно никому отъехать к ним; что они молчали, когда князь Юрий умер, великому князю вся его отчина досталась, а он им из той отчины не дал никакого надела; Новгород Великий вместе с ними взял, и ему все досталось, а им жеребья из него не дал; а нынче и здесь силу чинит: кто отъедет от него к ним, и тех бессудно хватает; уж ни за бояр начал считать свою братию; а духовного отца своего забыл, как тот написал, почему им жить, да также забыл и докончанья, что на чем кончали после отца своего.

Борис Васильевич рассердился на старшего брата собственно по поводу дела Оболенского и при этом припомнил все другие обиды. Но в это время готовилось против Ивана Васильевича общее восстание всех его врагов. Новгород, подчиненный в 1478 году, хотел подняться снова; помощь ему обещал Казимир, вступивший для этой цели в сношения с Ахматом, ханом Золотой Орды. Во всех этих замыслах участвовал Андрей Васильевич Углицкий, и в этом его обвиняет летописец, пересчитывающий его неправды пред великим князем; поэтому жалобы Бориса Васильевича были для врагов московского государя весьма кстати, и Андрей начал с ним уговариваться о восстании. Об общих замыслах против себя Иван Васильевич не знал; он только узнал, что новгородцы приготавливаются к восстанию, и поэтому, приехавши в самом начале 1480 года в Новгород, начал свой страшный розыск. Здесь крамольники сказали, что они имели ссылки с князьями Андреем и Борисом; Иван Васильевич не сказал об этом никому, но скоро скрывать было нечего, потому что в Новгород пришла весть, что братья от него отступили. Порешив Новгородское дело, Иван Васильевич поспешил в Москву; сюда он приехал пред великим заговеньем, и его приезду все были рады, потому что люди в страхе от восстания князей бегали по лесам и от стужи многие мерли; города же были в осадах; но восстание не было в полном разгаре. Около тех же дней, когда Иван Васильевич прибыл в Москву, Борис Васильевич из своего удела Волока пришел к брату Андрею в Углич (на Масленной неделе). Из Углича князя, побросавши свои города, направились через Тверскую область к Ржеве, куда прежде, из Волока, была отправлена жена Бориса Васильевича вместе с детьми. Иван Васильевич послал к князьям в Ржеву боярина, приглашая их возвратиться, но они не возвратились и пошли из Ржевы вверх по Волге, к Новгородским волостям. Войска князей сопровождали их жены и дети, также жены и дети их бояр и детей боярских. На дороге в Новгород, в Молвятицах, догнал князей другой посланный из Москвы ростовский владыка Вассиан. В Новгородских областях князья могли убедиться, что они пришли сюда поздно, потому что все было погромлено, и, может быть, поэтому повернули с дороги в Новгород к Литовскому рубежу и в то же время по архиепископским речам послали для переговоров со старшим братом двух своих бояр, князей Оболенских, вместе с архиепископом. Вассиан вместе с княжескими боярами приехал в Москву на Страстной неделе; великий князь отпустил княжеских бояр к их князьям и при том отправил к ним опять архиепископа Вассиана, вместе со своими боярами, наказав сказать братьям: «Идите в свои отчины, а я вас во всем хочу жаловать!» Кроме этого, бояре должны были предложить князю Андрею прибавку к его отчине и к тому, что ему дала мать, города Калугу и Алексин. Вследствие весеннего пути посланные к князьям ехали долго, а когда прибыли в Великие Луки, то все их предложения были отвергнуты. Мать великого князя, архиепископ Вассиан и многие другие лица хлопотали о примирении братьев, и Иван Васильевич, стесняемый другими обстоятельствами, вступил с ними в переговоры. Он много сердился на свою мать, подозревая, что она потакала его братьям, так как особенная ее любовь к Андрею Большому была известна, но она, прося великого князя за младших своих сыновей, посылала в то же время к ним, чтобы они не ходили к королю. Но дела князей не были в блестящем положении: вероятно, в надежде на помощь Казимира они отвергали предложения Ивана Васильевича, но король им не помог. Когда они пришли в Великие Луки, то послали к королю бить челом, чтобы он управил их в обидах с великим князем и помогал, но король отмолил им, а только княгиням их дал на прожиток город Витебск. Приготавливаясь защищать берег Оки против татар, Иван Васильевич оставил братьев в Новгородских областях, но видя, что из их бунта

ничего не выходит, отказал и тогда им, когда они прислали к нему своих дьяков бить челом, и не принял их челобитья. Большую часть лета Иван Васильевич стоял на берегу в Коломне, ожидая нашествия Ахмата, а князья ходили по Новгородским и Псковским областям, где от их людей был грабеж, точно как от неверных. Когда Ахмат пришел под Угру, то Иван Васильевич приехал из Коломны в Москву 30 сентября для того, чтобы сделать различные распоряжения: в это время пришли послы от князей о мире. Говорят, будто бы эти послы предложения своих князей высказали не в форме челобитья, а следующим образом: «Если исправишься к нам и силы над нами не почнешь чинить, а будешь держать нас как братию свою, то мы придем к тебе на помощь». И будто бы Иван Васильевич, под влиянием страха татарского, дался во всю волю князей, и они поехали к нему на помощь, давши сначала помощь псковитянам на немцев; хотя, впрочем, этой помощи они и не давали, и псковитяне именно и говорят, что князья грабили их как неверные, и они насилу могли подарками привести их к тому, чтобы они ушли назад в Новгородские земли. Невраждебная летопись к Ивану Васильевичу говорит, что он пожаловал свою братию, по печалованью своей матери, архиепископа Вассиана и верейского князя, отпустил их послов, приказав князьям идти к нему быстро. Князья пришли к великому князю, когда он был в Кременце, и потом пошли к Угре. Иван Васильевич, примирившись с братьями, дал Андрею Васильевичу не Калугу и Алексин, как прежде предлагал, а Можайск; говорят, что и Борису Васильевичу при этом примирении даны села, но в заключенных вскоре после этого примирения (2 февраля 1481 года) договорах Можайск укреплен за Андреем Васильевичем, а о Борисовых селах ничего не сказано. Вскоре после этих договоров умер младший сын Василия Тёмного, Андрей, не принимавший участия в замыслах старших братьев; он отдал свой удел Ивану Васильевичу, причем возложил на него и все свои долги; остальным своим братьям завещал по селу и некоторые вещи⁷.

1480 год во многом разъяснил, кто чему сочувствует, Иван Васильевич примирился с братьями и покуда не трогал их. Но первый удельный князь, который потерял окончательно свои владения, был Михаил Андреевич Верейский. Этот примиритель князей уступил в 1482 году Ивану Васильевичу часть своих владений, Белоозеро, после своей смерти; Иван же Васильевич обязался за себя и за своих потомков, которые будут владеть Белоозером, помянуть душу Михаила Андреевича⁸. Спустя некоторое время после этого, тот случай, что Иван Васильевич хотел дарить вещами свою сноху, родившую ему первого внука, а эти вещи оказались отданными, без его спроса, Софией Фоминичной в приданое за ее племянницей, вышедшей замуж за сына Михаила Андреевича, Василия, повел к тому, что Иван Васильевич рассердился на верейских князей. Он послал к Василию Михайловичу взять у него приданое его жены и грозился при этом посадить его в заключение. Василий Михайлович побежал в Литву, а посланная за ним погоня не догнала его. Отец Василия Михайловича заключил с Иваном Васильевичем договор (12 декабря 1483), по которому обязался не ссылаться с своим сыном некоторою хитростью, и если тот кого пришлет к нему, то он должен был отослать присланного к великому князю; Верей с волостями была отобрана у князей, и Иван Васильевич отдавал ее во владение Михаилу Андреевичу до его живота, и после его смерти обещался, как и прежде, помянуть душу Михаила Андреевича. Михаил Андреевич действительно скоро скончался, завещав своему господину и государю свою душу помянуть и долги платить⁹.

За Верей очередь падения наступила для Твери. До восьмидесятых годов оба великих князя жили мирно; обстоятельства, при которых они заключили первый свой договор, к последнему времени совершенно переменялись: уже почти кругом тверских владений находились московские. С другой стороны, Казимир, не помогший в 1480 году ни одному врагу московского великого князя, подготавливал теперь новое нашествие татар на Москву. Но это дело пошло к тому, что две Орды, Крымская и Золотая, начали между собой воевать, а в Ордах случился голод, вследствие чего все степные дела перепутались. Этого Казимир не мог, конечно,

предвидеть; но в связи с татарским нашествием, для полного вреда московскому государю, при ничтожных волнениях в Новгороде, было полезно восстановить на него князя, могшего при этом нанести ему вред. Около того времени, когда Иван Васильевич порешил с Вереей, между тверским великим князем и Казимиром был заключен договор, по которому если тверскому великому князю придется с кем-нибудь быть немирным, то Казимир обязывался пособлять ему думой и помощью без хитрости, и стоять им везде заодно на всех врагов, не исключая никого¹⁰. Это нарушение предшествующего договора с московскими князьями со стороны Михаила Борисовича, естественно, вело к тому, что Казимиру необходимо было скоро исполнять свой договор. Этот союз на всех, хотя без имени, не укрылся от Ивана Васильевича, и он зимою 1484/1485 года послал в Тверь сложить с себя крестное целование и приказал порубежной рати завоевать Тверские области. Помощь из Литвы не приходила, татары не нападали на московские уклады, и Михаил Борисович прислал к Ивану Васильевичу тверского владыку бить челом о мире. Мир был дан на всей воле московского государя: Михаил Борисович отказывался от союза с Казимиром, должен был сложить к нему крестное целование пред московским послом, во всех внешних отношениях следовать политике московского государя; вместо прежнего равенства Михаил Борисович приравнивался брату Ивана Васильевича, Андрею Углицкому¹¹. Летописец рассказывает, что после этого мира московские бояре и дети боярские, где их рубежи сходились с тверскими, позволяли себе обижать тверитян, и эти их дела оставались безнаказанными, а где обидают тверичи, то великий князь посылает в Тверь с поношениями и угрозами, ответам не верит и на своих обидчиков суда не дает. Такое состояние дел вело к тому, что сначала двое служебных князей, а потом и все тверские бояре отъехали на службу в Москву. Отъезчикам такое дело было выгодно, – в Москве их наградили: так, одному служебному князю, Дорогобужскому, великий князь дал Ярославль, а другому, Микулинскому, Дмитров. Нашествие татар должно было произойти летом 1485 года, но, как уже сказано, в Ордах произошел голод, а между тем в Москве узнали, что тверской князь не прекратил своих связей с Литвой: был схвачен гонец тверского князя, и у него вынуты грамоты, посланные с ним в Литву. Михаил Борисович на угрозы из Москвы послал туда к великому князю опять своего владыку с челобитьем, но теперь челобитье не было принято, а явившийся с тем же из Твери, после владыки, князь Михаил Холмский не был пущен на глаза великому князю. В это лето кроме возможности нашествия татар из степей у Ивана Васильевича было на руках еще Казанское дело. К 20 июля с Казанью было порешено, и после этого Иван Васильевич приговорил поход на Тверь. В августе большое московское войско пошло к Твери; бояре от Михаила Борисовича уезжали, помощи не являлось ниоткуда, и когда москвичи осадили Тверь, то ее великий князь, оставив свой родной город, побежал в Литву, к Казимиру¹².

Как Новгородом, так и Тверью Иван Васильевич овладел вместе со своими братьями, но и из тверского прибытка он не поделился с ними. В следующем году (1486) после взятия Твери Иван Васильевич заключил сначала договор с Борисом Васильевичем 20 августа, а потом 20 ноября с Андреем Васильевичем. Оба эти договора отличались один от другого: оба князя обязались не вступаться во владения старшего своего брата и его прибытки: Тверь, Кашин, Новгород, Псков, Верею; но в договоре с Борисом Васильевичем враги Ивана Васильевича названы по именам, именно: «с недругом нашим, королем и великим князем Казимиром, с великим князем Михаилом Борисовичем, литовскими панами и ни с кем не ссылаться никакой хитростью, а быть везде за один и неотступным от великого князя»; в договоре же Ивана Васильевича с Андреем Васильевичем враги не упоминались по именам, а говорилось только вообще о союзе¹³. Подобная выгода свободы действий Андрея Васильевича имела свои опасности. Прошел после этого договора только один год, и Андрею Васильевичу случилось быть в Москве. Здесь его боярин сказал ему, что великий князь хочет его схватить и заключить. Андрей Васильевич испугался и хотел тайно бежать с Москвы. Но когда его мысли отворачи-

лись от этого, то он послал к князю Ивана Юрьевича Патрикеева, велевши ему объявить то великому князю, и спросить, за что он хочет это сделать над ним. Князь Патрикеев отрекся от поручения, и тогда Андрей Васильевич сам пошел к брату и объявил все. Князь Великий начал клясться ему небом, и землей, и Богом сильным, Творцом всея твари, что и в мысли у него того не бывало. По обыску оказалось, что боярский сын, служивший великому князю, Мунт Татищев, пришел к боярину Образцу и пошутил, а Образец поворотил то в правду и сказал об этом князю Андрею, желая прислужиться ему, потому что тот не держал его в любимцах. За эту шутку Татищев был подвергнут торговой казни. Великий князь хотел ему велеть и язык вырезать, но митрополит выпечаловал то. В 1491 году Ивану Васильевичу необходимо было послать своих воевод против татар: он послал и к братьям, чтобы и те послали также своих воевод. Борис Васильевич исполнил требование, но Андрей Васильевич не послал своих воевод. В этом отношении Андрей Васильевич поступил не по договору, потому что и в договоре с ним условие, о посылке воевод вместе с великокняжескими, было помещено. Иван Васильевич в это время начинал войну с Литвой, поэтому существование в Северной России такого князя, который не хочет действовать с ним заодно, было опасно. И вот, через несколько месяцев после этого события, Андрею Васильевичу опять случилось быть в Москве. Великий князь его принял с почетом. На другой день Иван Васильевич послал к брату своего дворецкого и велел пригласить к себе хлеба ясти. Андрей Васильевич хотел за эту честь челом ударить своему брату старейшему, и когда он пришел к великому князю в комнату, называемую западной, и бил челом великому князю на чести, то последний, немного посидев с ним и мало поговоривши, вышел в другую комнату, приказавши ему подождать себя, а боярам князя Андрея приказал идти в Гридню. Когда бояре вышли сюда, то были здесь пойманы и разведены розно. Князя Андрея великий князь велел поймать князю Семену Ряполовскому. Князь Семен со многими боярами и князьями вошел в западную, остановился пред Андреем Васильевичем, но от слез не мог ничего выговорить и наконец, уже рыдая, сказал: «Государь, князь Андрей Васильевич! пойман еси Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всея Руси, братом твоим старейшим». Князь Андрей встал и сказал: «Волен Бог да государь, брат мой старейший князь великий Иван Васильевич, а суд мне с ним пред Богом, что меня неповинно имае». Это было в первом часу дня; до вечерен сидел Андрей Васильевич в западной, после его свели на казенный двор и приставили стеречь многих князей и бояр. Кроме этого, Иван Васильевич послал в Углич под начальством двух князей тысячу человек, детей боярских, схватить сыновей Андрея Васильевича, Ивана и Дмитрия; они были схвачены и посажены в Переяславле в железях. Дочерей Андрея Васильевича оставил в покое, на самого его, на первой неделе после поимания, надеты были оковы, а сторожи, охранявшие его темницу, были приведены к крестному целованию. Андрей Васильевич скончался в темнице, младший же его брат, Борис, спокойно дожил свой век, потому что главным заводчиком смут был наследник владения Шемяки и всех его наклонностей князь Андрей Васильевич Углицкий. Летопись высчитывает его вины пред великим князем следующим образом: «Он думал на великого князя лихо вместе со своими братьями князьями Юрием, Борисом и Андреем и для этого приводил их к крестному целованию; кроме того, грамоты посылал в Литву к королю к Казимиру, одиночася с ним на брата своего старейшего; отъезжал от великого князя вместе с князем Борисом; посылал грамоты свои к царю Ахмату Большой Орды, приводя его на великого князя Русскую землю ратью, да с великого князя ратью на ордынского царя своих воевод не посылал, и всем тем чинил измену великому князю, преступая крестное целованье»¹⁴. Поиманьем князя Андрея Васильевича деятельность сильных удельных князей Северной России прекратилась, и все средства, которыми они распоряжались, сосредоточились в руках одного великого князя. Это дело уничтожения князей при Иване Васильевиче продолжалось почти тридцать лет. Как ни была подкопана всей предшествовавшей историей удельная система, но этот тридцатилетний срок не был длинен, если вспомним, что в это же время Ивану Васильевичу приходилось иметь посто-

янно множество других дел: со степняками, с Новгородом, не говоря уже о том, что нужно было иметь постоянно в виду и отношения к Литве.

Мы видели, что князья, притесняемые великим князем, надеялись на Литву, и в крайнем случае бежали туда. Это вело к тому, что в договорных грамотах великого князя с князьями имя Казимира короля упоминается почти постоянно, как врага Ивана Васильевича, и особенно в этом прямом смысле начинает оно упоминаться после нашествия Ахмата под Угрю, или, лучше сказать, после 1482 года. Основой определений всяких отношений Москвы к Литве служил союзный договор Василия Васильевича Тёмного с Казимиром, заключенный в 1449 году¹⁵. О князьях, значительных по своей силе, в этом договоре было сказано, что Казимир обязуется не принимать Дмитрия Юрьевича Шемяку. Но после смерти Шемяки это условие теряло значение, а союзники Шемяки, или подозреваемые в том, бежали все-таки в Литву. О рязанском великом князе в этом договоре было сказано, что если он захочет служить Казимиру, московский великий князь не должен за это гневаться на него и не мстить ему за то. Но мы выше видели отношения Ивана Васильевича к рязанскому князю, а в 1483 году с новым рязанским князем был у него уже заключен договор, по которому последний обязывался быть с московскими великими князьями на Казимира и везде за один, а если великие князья будут делать докончанье с королем, то и его, рязанского великого князя, в нем поместить¹⁶. О тверском великом князе в договоре Казимира с Василием Васильевичем сказано, что его считать на стороне Казимира, а с великим князем Василием он в докончанье. Но после падения Твери такое условие тоже почти ни к чему не вело, как увидим сейчас. Участие Казимира в делах князей Северной России мы видели выше, а как об этих делах объяснялись между собою Иван Васильевич с Казимиром, это может нам указать дошедшее до нас посольство Казимира в Москву, по случаю дела тверского князя. В посольских речах литовцев говорится от имени Казимира: «Я уже посылал к тебе о тверском великом князе, а с чем посылал, то тебе ведомо; теперь же говорю о том; известно, что Михаил Борисович с нами в докончанье и крестном целовании, и теперь он приехал в Литву, мы его приняли, он бил нам челом, чтобы мы ему помогли, а мы думали, как бы он до своей отчины дошел мирно, без кровопролития, и по докончанью нашему с твоим отцом, которое мы заключили и на детей, мы Михаилу Борисовичу помощи на вас не дали, хлеба же и соли ему не боронили, и покуда была его воля, до тех пор он у нас и был, и как добровольно приехал в нашу землю, так мы добровольно его и отпустили»¹⁷.

Отъезжая из Северной России в Литву, князья уносили туда с собой только одни притязания; Казимир, как видим, не хотел им помогать в желании возратить их прежнее значение, а только не отказывал в хлебе и соли. Эту хлеб-соль давали им в виде владений, и при этом князья из самостоятельных превращались в служебных. Самыми важными из них, сыгравшими роль в истории, были потомки старых отъезжиков из Северной России, Шемячич и Можайский. Их в Литве приняли и дали им в удел Чернигов, Стародуб и другие места, под боком у Московского государства и на границе степей. К этим отъезжикам Иван Васильевич относился так, что почти во всех своих союзных договорах поставлял условием не принимать этих князей и не ссылаться с ними.

Служебных князей, находившихся в службе у московского великого князя и у значительных удельных князей, было весьма значительное количество. Разрядные книги¹⁸ показывают нам, что в Северо-Восточной России почти весь верхний слой общества состоял из князей. Некоторые из них владели целыми городами, с окружавшими эти города местами. Верховная власть над владениями служебных князей принадлежала великому, или удельному, князю, и поэтому в договорных грамотах времен Ивана III встречаем постоянным условием, что князей служебных с их отчинами на службу не принимать и в отчины их не вступаться. Это условие было необходимо не только потому, что князья имели особенную способность переходить из службы от одного князя к другому, но и потому, что верховные князья областей, принимая

на службу князей, давали им во владения свои города, и таким образом, после такого пожалования, если не было бы вышесказанного условия в договорных грамотах, князь, переходя в службу, переходил бы с чужими отчинами.

Как эти князья жили в своих отчинах, нам известно очень мало. У каждого из этих служебных князей была своя дружина или, по крайней мере, дворня. Основная специальность этих князей была война. Родовые счеты и споры за границы давали повод к борьбе между ними, но с усилением одного великого князя эти решения споров мечом должны были прекратиться, потому что он не мог допустить в своих владениях войны всех против всех. Но, с другой стороны, сосредоточение огромной массы беспокойных служебных князей под властью одного великого князя ставило его в такое положение, что он для водворения в своем государстве покоя не имел возможности и средств постоянно разбирать их дела и поэтому должен был дать им занятие. С этой стороны отношения Московского государства к соседям были таковы, что для этих военных специалистов было много дела. На границах со степью была постоянная война: от Галича Костромского по московским границам, на юго-восток до Калуги, по несколько раз в году переменялись войска, и все большей частью под начальством князей; с другой стороны на запад и северо-запад шла почти безостановочно война с немцами и в Финляндии. Давая занятие и упражнение своим служебным князьям, по собственному усмотрению, великий князь вместе с тем и развивал их силы и в то же время возможностью иметь занятие и вознаграждение за него привлекал их от других. Исполнять волю московского государя и воевать, где он укажет, князья готовы были с великой ревностью, потому что они знали, что за свои подвиги будут вознаграждены. Так, после голодных войн с татарами, Иван Васильевич задавал князьям, как пир, самые прибыточные походы, каковыми были два новгородских похода, в которых князья значительно обогатились; а когда силы Северной России положительно все сосредоточились в руках Ивана Васильевича, то он начал бесконечные Польско-Литовские войны. Но и эти войны начались по поводу все тех же служебных князей.

Отношения князей Северной России к своему Верховному господину, московскому государю, остались навсегда неопределенными. Но мы несравненно больше знаем об определении отношения к Верховному господину тех князей, которые жили в литовских владениях. Граница Московского государства с Литвой при Иване III до девяностых годов XV столетия была определена договором Василия Тёмного с Казимиром. Так как тогда Новгород и Тверь не были подчинены Москве, то московская граница с Литвой соприкасалась не во многих местах: не входя в подробности, ее можно определить так, что она шла от города Калуги и реки Угры почти прямою линией к городу Ржеву. На юго-запад от этой границы к Днепру находились владения многочисленных князей, по большей части Рюриковичей; все это пространство земель носило официальное название страны князей. Одни из этих князей имели родовые владения, а другие – пожалованные им литовскими великими князьями. Те князья, которые имели родовые владения, определяли свои отношения к своему верховному господину посредством договоров; договоры с князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротынскими показывают, что они заключались так, что в них стояли, с одной стороны, великий князь литовский, а с другой – несколько князей вместе. Эти договоры в сущности сходны один с другим; вот их содержание: «Били мы челом королю Казимиру, государю великому князю, чтобы принял он нас в службу по dokonчанию дяди своего, великого князя Витовта. Нам ему служить верно во всем, без всякой хитрости, и во всем быть послушным, а ему нас в чести держать и в жалование и в dokonчание, как держал дядя его, великий князь Витовт. Поступать нам по королевской воле, и с кем он будет мирен, с тем и мы мирны, и с кем он не мирен, с тем и мы не мирны. Королю и великому князю нас защищать, как и своего. Нам без королевской и великого князя Казимира воли ни с кем в dokonчанье не вступать и никому не помогать. После смерти королевской нам и нашим детям служить тому, кто будет на литовском престоле; если после нас не будет потомков, то нашей земле от Великого княжества Литовского не отступить. Королю, или кто по нем

будет на литовском престоле, в наши земли, которые за нами, ни у нас, ни у наших потомков, не вступаться. Когда мы помрем, то нашим детям король, а потом и его дети, должны дать такое же dokonчание, как теперь, и держать по нем; если же при нашей жизни Божья воля станет над королем, то его дети, что будут на Литовском Великом княжестве, должны дать нам такое же dokonчание. Если dokonчание не будет дано, или по нем нас не будут держать, то с нас крестное целование долой и нам воля. Суд нам с соседями по старине; а сопремся в суде, то положить все дело на короля»¹⁹. Князь, вступающий в службу к литовскому великому князю, уже, кроме того, что, само по себе разумеется, давал присягу в верности, за вотчину, которую ему жаловали, и обязывался служить верно с того удела, еще должен был управлять вотчиной по старине, а жителям ее приказывалось служить своему князю и быть ему послушными, как самому великому князю²⁰. Но так как в dokonчаниях служебных князей с великим князем, кроме ясных определений, когда они освобождаются от присяги, было и то, что если великий князь не будет их держать в чести, жалование, защищать их от всякого, то подобные условия давали князьям возможность очень часто переменять своего господина.

Но так как в девяностых годах XV столетия такими верховными господами были только двое, Московский и Литовский великие князья, то могли ли они принимать к себе из службы другого князей? В договоре Василия Ивановича с Казимиром о князьях служебных было сказано только: «которые князья служат тебе, Казимиру Королю, со своих отчин и мне, великому князю, и моей братии младшей, блюсти их и не обижать, точно так же и тебе, королю, блюсти и не обижать князей, которые мне служат». Такое неопределенное условие давало возможность многое делать, и Казимир поспешил исправить эту ошибку относительно князей: в договоре его с тверским великим князем, заключенном в один год с договором с Василием Тёмным, о князьях было сказано, что который из них отъедет, от одного великого князя к другому, тот своей отчины лишен²¹. Но это обязательно было только в отношениях к Твери, а в отношении московского и литовского государя было то, что каждый из них, не нарушая договора, мог принимать служебных князей и с отчинами, хотя то могло вести к запутаннейшим спорам. Впрочем, когда Государи были в мирных и дружественных отношениях и при том равной силы, то князья не могли иметь особенного значения в их отношениях, но совсем другое могло произойти, если Государи из друзей превратятся во врагов и силы их не будут равны. Литовский великий князь и в то же время король польский как государь двух государств, из которых каждое имело свои особенные интересы, естественно должен был быть государем слабым по своей силе, потому что каждое из его государств относилось к другому враждебно и притом ни одно из них не было настолько слабо, чтобы сразу вполне подчиниться другому. Занятый постоянно этой внутренней борьбой, своих насильственно склеенных вместе государств, литовский великий князь поэтому не имел возможности, подобно московскому государю, сдавливать способности князей враждовать между собой; но к этому еще литовский государь, обремененный своими семейными делами, необходимо должен был поставить себе их на первом плане, так как государственные дела его государства не были в его в руках, поэтому и не направлял способностей князей в ту или другую сторону. Те вельможи и те князья, владения которых находились внутри Литовско-Русского государства, то есть на западной стороне Днепра и на южной стороне Западной Двины, ссорами между собой могли вредить государству только с той стороны, что нельзя было ожидать внутри его порядка и покоя; но те князья, которых владения находились на других сторонах выше сказанных рек, могли быть опасны и другим образом.

Что делали эти пограничные князья и чем занимались, мы подробно узнаем только с конца 80-х годов XV столетия, потому что с этого времени начинаются записанные дипломатические сношения Московского государства с Польско-Литовским, и начало этих государственных бумаг все поглощено этими княжескими делами. Оказывается, что князья ссорились между собой как за границы своих владений, так и за владение своими городами по роду и по

старейшинству. Эти князья в своих ссорах за решением дел обращались на основании своих договоров к своему Верховному господину. Как занимались литовские государи этими княжескими делами, об этом один из служебных князей хотел высказать великому князю, Александру Казимировичу, следующее: «Тебе, господине, ведомо, что отец твой за мою отчину не стоял и не оборонил, и мне против той отчины городов и волостей не измыслил. И к тебе, господине, я посылал бити челом, чтобы ты меня пожаловал, в dokonчанье принял, городов мне измыслил против моей отчины, чем бы мог я тебе служить: и Твоя милость меня не жаловал, городов не дал, в dokonчанье не принял, а за отчину мою не стоял, бояр моих не жаловал и не читил. Ино, господине, не я выступил, а Твоя милость, Государь, и поэтому на основании dokonчанья с твоим отцом крестное целование с меня долой». Почти через год после того, как Андрей и Борис Васильевичи поднялись против своего старшего брата в 1480 году и обратились за помощью к королю Казимиру, в летописи мы читаем под 1482 годом следующее известие: «Был мятеж в Литовской земле: захотели вотчичи Ольшанский, Олелькович да князь Федор Вельской отсесть Литовской земли по Березыне на великого князя; их обговорили и король Ольшанского да Олельковича схватил, а князь Федор прибежал к великому князю, и он его пожаловал, дал ему город Демон в отчину да Мореву со многими волостями»²². Это дело князей было со стороны Ивана Васильевича месть и вместе с тем проба, насколько можно рассчитывать на литовских служебных князей.

Король не обращал внимания и не вступался в дела своих служебных князей, и поэтому князья решали свои дела посредством собственной силы. От этого в стране князей, на восточной стороне Днепра, происходила постоянная война. В ссоры и дела литовских служебных князей вмешивались соседние им московские служебные князья. В 1487 году королевский посол в Москве говорил, что Одоевские князья, служащие Москве, пред Успеневым днем приходили на отчину князей Мезецких, город осадили, но не взяли; потом, захватив много пленных, ушли, пограбивши волость; князья Мезецкие, чтобы отнять этот плен, погнались за Одоевскими, но те против них бои поставили. В Москве отвечали, что князья Одоевские сами жаловались на князей Мезецких, что эти нападали на их отчину и много лиха сделали, жен и детей головами в плен повели, а князья Одоевские не могли того стерпеть, послали за ними погоню, и с этого у них начались ссоры.

Ссоры князей литовских не разрешал их государь, и за это дело взялся Иван Васильевич. Когда Северная Россия была объединена окончательно около Москвы, когда там не поднималось никакого шума, все было тихо, а извне спокойно, литовский же великий князь, по прежним своим делам, сделался настоящим врагом московского государя, который уже называл себя «государем всея Руси», то начались такие дела: к ссорящимся литовским служебным князьям являлся московский посланец и объявлял, что государь хочет их жаловать, взять их к себе в службу с их отчиною и их беречь, они могут воевать за свою обиду своих врагов, и которые города возьмут, на тех городах им сидеть; в эти завоеванные города и в их собственные великий князь не будет вступаться, а будет только защищать. Соглашавшимся князьям на эти предложения, в подтверждение этих слов, посланец великого князя давал правду; эту правду потом подтверждали бояре. Князья при этом обязывались иного государя, кроме московского великого князя, себе не искать, и над воеводами, которых к ним пошлют, никакого лиха и хитрости не учинить. Для приезда в Москву князьям давались опасные грамоты. Эту боярскую присягу и опасные грамоты сами князья считали в уровень с теми договорами, которые они заключали прежде с великими князьями литовскими; Московское же правительство, конечно, на это смотрело другими глазами. Обещание, что те города, которые князья завоюют, будут им принадлежать, исполнялось Московским правительством: этими городами князей жаловали²³.

С конца 80-х годов XV столетия начинаются отъезды князей из Литовской службы в Московскую. Князья отъезжали при этом со своими отчинами, московский государь их принимал и этим, как уже сказано, не нарушал договора. Первый, начавший это дело, был князь Иван

Михайлович Воротынский. После отъезда он послал к королю своего человека сложить за себя свое крестное целование. Король князя Воротынского из крестного целования не выпустил, а еще жаловался Ивану Васильевичу, что князь Иван Михайлович перед отъездом пограбил смоленских мещан (впрочем, этот грабеж был не совсем удачен, потому что королевские воеводы пришли на князя Воротынского изгоном и захватили многих в плен). Отвечая на жалобы короля по поводу дела Воротынского, Иван Васильевич говорил: «Король Казимир напрасно называет князя Ивана Михайловича своим слугою и не хочет его выпустить из присяги; эти князья и прежде служили на обе стороны». За отъездом Ивана Михайловича приехал служить к московскому государю другой князь Воротынский, Дмитрий Федорович (в 1490 году): он перешел служить своими отчинами. После этого еще приехал служить князь Иван Васильевич Бельский. Король не выпускал и этих князей из своей службы и объяснял московскому государю, что это он делает на основании dokonчання князей с ним; тем более он не признавал права отъезда с отчинами потому, что по dokonчанию эти отчины, если и род князей прекратится, должны принадлежать Литовскому Великому княжеству, да наконец у князей владения не все родовые, а многие пожалованы королем им и их отцам за службу. Королевский посол кончал это объяснение следующими словами от короля к Ивану Васильевичу: «Сам того посмотри, гораздо ли так делаешь: слуг наших принимаешь с их отчинами и нашими городами и волостями, а мы от тебя твоих слуг не принимаем по dokonчанию с твоим отцом, которое мы кончали и на вас». На эти слова последовал ответ, подобный ответу по поводу отъезда князя Ивана Михайловича Воротынского: «Эти князья прежде служили, как нашим предкам, так и королевским, и теперь они приехали служить нам со своими отчинами, и поэтому теперь они наши слуги».

Когда отъезжал князь Иван Михайлович Воротынский, то королевский посол жаловался, что он произвел грабежи; теперь же по поводу отъезда последних князей королевский посол говорил: «Князь Дмитрий Федорович Воротынский, запамятавши свое крестное целование, бил тебе челом в службу со всею своею отчиною и с уделом брата своего, Семена Федоровича Воротынского; он казну его всю взял, а бояр и слуг его поймал и к присяге привел насильно, приказавши им служить себе. Да, кроме того, он наших панов и слуг города и волости за себя побрал и наместников своих посадил; эти города: Серепек, Бышковици, а волости Лычино, Недоходово». На эту жалобу в Москве отвечали, что «не знают того, точно ли это владения чужие, а сначала опробуют, а потом ответ дадут».

Опираясь на обещание московского государя, князья, отъехавшие из Литовской службы, вместе с князьями, давно служившими московскому государю, и при помощи пограничных московских войск, начали мстить своим врагам и родственникам в литовских владениях. Князь Воротынский, со многими татарами и людьми калужскими и перемышльскими, ограбил волости Брянские. Князь Иван Васильевич Бельский, когда убежал из Литвы, то тайно напал со многими людьми на отчину своего брата, Андрея Васильевича, и изловил там третьего своего брата, князя Василия, привел его силой к крестному целованию, чтобы он не служил королю, а отчину Андрея за себя забрал и заставил бояр и слуг присягнуть себе. Кроме жалоб на этих князей, и о князьях Одоевских посол Казимира в Москве говорил в 1492 году: «Бил нам челом слуга наш, Иван Федорович Одоевский, что когда он уехал с Одоева, то его братья, которые тебе служат, захватили его мать, засели его отчину, половину города Одоева, волости и казну побрали, а бояр к целованию привели, так ты бы их сказнил за их дела, и чтобы они мать их освободили и в отчину наших слуг не вступались, предоставляя им владеть подлуг давнего обычая». На это в Москве отвечали: «Наши слуги, князья Одоевские, сказывают нам, что они ничего не делали, на что жалуются их родственники, а есть у них слово о вотчине, о большом княжении по роду и старшинству, пригоже, сказывают, быть на княжении нашему слуге, Ивану Семеновичу Одоевскому, и они посылали к брату своему, князю Федору, чтобы он о большом

княжении с ними смолву учинил. Поэтому король приказал бы князю Федору смолву учинить и выслать для решения дела своего пана, а великий князь вышлет своего боярина».

Так Иван Васильевич отвечал о князьях Одоевских, о других же прямо требовал, чтобы король разрешил их от присяги, а своим людям приказал бы не делать обид отчинам этих князей. Король отвечал, что не выпустит их из присяги, что князья грабят, а великий князь берет земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому. Король упирался в своем, но силою не поддерживал своих слов, тогда Иван Васильевич послал к нему настоящий вызов. 18 мая 1492 года поехал московский посол Берсень к королю; посол должен был говорить ему от имени великого князя: «Мы не знаем, какие кривды делаются от наших земель твоим землям и где наши люди начали твоим людям лихо чинить; а волостей, земель и вод твоих за собою не держим, а с Божией помощью держим земли и воды, которые нам дал Бог. Ты говоришь, что от наших земель делаются тебе кривды, а того не помнят, какие кривды делаются нашим землям от твоих людей: наши города, волости и земли за собою держишь, так ты бы нам наших земель поступился, а обидным делам дал управу». Берсеню дана была память, что если взмолвят: «Которые волости великого князя за собою держит король?», то отвечать: «Город Хлепень с волостями, да Рогачев и иные волости». Какие это иные волости?

Наказ Берсеню не говорит, да и Казимиру не пришлось слышать слов этого посольства, этих тайных намеков. Берсень Короля не заехал, потому что короля не стало²⁴, и он воротился, а к королевичу Александру не поехал. Этому королевичу, когда отправилось к нему первое посольство из Москвы, то посол говорил уже прямо, и Иван Васильевич также в верующей грамоте писал, что московской государь есть государь всея Руси. Впоследствии объяснили значение этого титула, что города Киев, Смоленск и другие русские города суть отчина московского государя.

После смерти Казимира москвичи решились разорвать свои сношения с Литвой, и княжеская война пришла в полный разгар уже при помощи московских войск. Наши летописи как будто бы считают Ивана Васильевича в постоянной войне с Литвой и не относят начала ее к началу государственного Александра Казимировича в Литве. Но обе стороны смотрели на это дело так: литовцы относили все эти враждебные действия к пограничным ссорам и не хотели признавать существования войны, Иван же Васильевич хотел представить дело так, что у него с Литвой война, хотя, впрочем, он ее не объявлял и не посылал, как бы следовало по обычаю, сложить с себя крестное целование к литовским государям, а это было необходимо, так как договор Василия Тёмного с Казимиром был заключен и на детей. Ивану Васильевичу нужна была война, потому что за войною должен следовать мир, а этим миром Литва должна утвердить не только теперешние приобретения от нее, но признать за Москвой и многие другие права.

Эта княжеская война, со времени вступления на литовский престол Александра Казимировича, шла следующим образом. Осенью 1492 года отъехал из Литовской службы в Московскую князь Семен Федорович Воротынский, вместе со своим племянником князем Иваном Михайловичем; они отъехали с отчинами. Князья Воротынские, едучи в Москву, засели, на имя великого князя, города Серпейск да Мещовск. Смоленский воевода вместе с литовским служебным князем Семеном Ивановичем Можайским, пришедши со многой силой, заняли опять эти города. Тогда Иван Васильевич послал к Воротынским на помощь уже своих воевод, вместе с князем Рязанским, возвращать раз занятые на его имя города: Серпейск и Мещовск были отняты, но воеводы зашли по дороге к Опакову, город сожгли, жителей привели к крестному целованию на имя великого князя, а Литовцев и Смолян захватили в плен. Кроме князя Семена Воротынского перешел из Литовской в Московскую службу князь Михаил Романович Мезецкий; он захватил силой двух своих братьев князей Семена и Петра и привел их в Москву. Иван Васильевич пожаловал князя Михаила Романовича его же отчиной и приказал себе служить, а его братьев сослал в Ярославль. Но самое важное приобретение, сделан-

ное при помощи этих княжеских ссор, была Вязьма. Князь Андрей Юрьевич Вяземский был в ссоре с другими князьями Вяземскими; он объявил желание поступить в службу к московскому великому князю; Иван Васильевич отправил к Вязме своих воевод, и город Вязьма был взят; вяземские князья были приведены в Москву, их пожаловали городом Вязьмой же и приказали служить своему новому государю. Эти новые московские подданные продолжали свои дела под видом набегов, им их враги отвечали тем же, но кроме этого эти князья делали грабежи, с целью вознаградить себя за потерянные ими имения, которые находились внутри литовских владений²⁵. Все эти дела литовцы не хотели признавать войной Московского правительства. Но чтобы сдержать Ивана Васильевича, они начали сватовство своего государя к дочери московского. Во время пересылок по этому поводу, когда отправилось из Москвы первое посольство к Александру, то Иван Васильевич требовал от литовского государя признания всех князей, отъезжавших в Московскую службу из Литовской, московскими подданными. Но один из этих князей, слагая с себя присягу к Александру Казимировичу, хотел объяснить пред литовским государем причину своего отъезда: то был князь Семен Федорович Воротынский. Его отъезд замечателен тем, что при Казимире его родной брат, отъезжая в Московскую службу, ограбил и занял его удел. Казимир только требовал у московского государя возвращения занятого и ограбленного, но самого Семена Воротынского ничем не вознаградил, не вознаградил его точно так же и Александр. Тогда Семен Федорович решился искать управы уже указанной дорогой, отъехал в Московскую службу и занял Серпейск и Мещовск. Грамоту Семена Федоровича Воротынского, в которой излагал он причины своего отъезда, мы выше привели, как указание общих причин отъездов князей. Но эта грамота не попала по назначению. Человек князя Воротынского, который должен был за него сложить крестное целование к великому князю литовскому, ехал с московским послом, Дмитрием Давидовичем Загряжским. Последний, узнавши о существовании такой грамоты, не позволил подать ее в руки великому князю, а отобрал ее и привез в Москву²⁶. Московское правительство не хотело, чтобы князья выставляли такие причины отъездов; оно само объявляло, что князья приехали служить к своим прежним государям. Кроме выше исчисленных князей и приобретений Москвичей при помощи их, других отъездов и приобретений в начале 90-х годов XV столетия больше не совершалось. Когда между Москвой и Литвой был заключен мир, то литовские послы потребовали внесения в договорные грамоты условия, чтобы вообще князей служебных с отчинами не принимать. Москвичи согласились на это условие. Но служебных князей, которые могли нанести такой же вред своим отъездом, как и отъезчики 90-х годов, в Литве было еще довольно значительное количество. При начале второй войны Ивана Васильевича с Александром Казимировичем начались тоже отъезды князей. Отъехали: князья Семен Бельский, Шемячич, Можайский и другие, со своими отчинами. Московское правительство при начатии войны не только нарушило условие прежнего договора с Литвой, но и отказалось от старой своей вражды к роду Шемяки и Можайского. Сами эти князья, как ни выгодны были условия отъезда, могли опасаться, что Иван Васильевич может вспомнить обиды себе и своему отцу, происшедшие от отцов и дедов этих князей. Но Иван Васильевич предупредил это; так, например, Шемячич получил такого рода опасную грамоту: «что какое лихо учинилось от твоего деда, князя Дмитрия Шемяки, нашему отцу, великому князю, Василию Васильевичу, то мы тебе даем опасную грамоту, что нам за то на тебя нелюбки не держать». Но для того, чтобы показать, что приемом в службу этих князей Московское правительство не нарушало условия своего договора с Литвой, то этот прием оно объясняло таким образом: Иван Васильевич, принявши на себя роль защитника православия от притеснений латинства, и начавши по этому поводу войну, объявил, что и князей он принял в службу потому, что они приехали к нему, не стерпя гонений за веру. Князь Семен Бельский, когда его человек отправился к Александру Казимировичу слагать за своего господина крестное целование, послал с ним, с согласия Московского правительства, грамоту, в которой, как прежде Воротынский, объяснял свой отъезд немило-

стями к нему великого князя Александра, но при этом говорил, что эти немилости происходили от того, что его хотели обратить в римскую веру, а он на принятие Римского закона не согласился и в заключение уехал от насилия, под покровительство православного государя. Эта грамота попала по назначению, т. е. была подана Александру Казимировичу. На объяснения Московского правительства, почему оно приняло в свою службу Бельского, литовцы отвечали от имени своего государя: «Бельский лихой человек и изменник наш, мы уже его третий год и в глаза не видали; у нас получше его есть князья и паны Греческого закона, и им никакого принуждения нет в Вере. Ради такого изменника ломать dokonчанье не стоит, а следует его выдать». Об Можайском и Шемячиче литовцы говорили: «Отцы этих князей пришли в Литву, сделав над самим Иваном Васильевичем и над его отцом известно какую измену; их в Литве приняли и дали им отчины на прожиток, а они, по привычке, заимствованной от своих отцов-изменников, изменили теперь и литовскому государю, да по той же привычке наверно сделают то же и со своим новым государем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.